

Andrzej Sapkowski

WIEDŹMIN
Wieża Jaskółki

Warszawa
superNOWA
1997

Анджей Сапковский

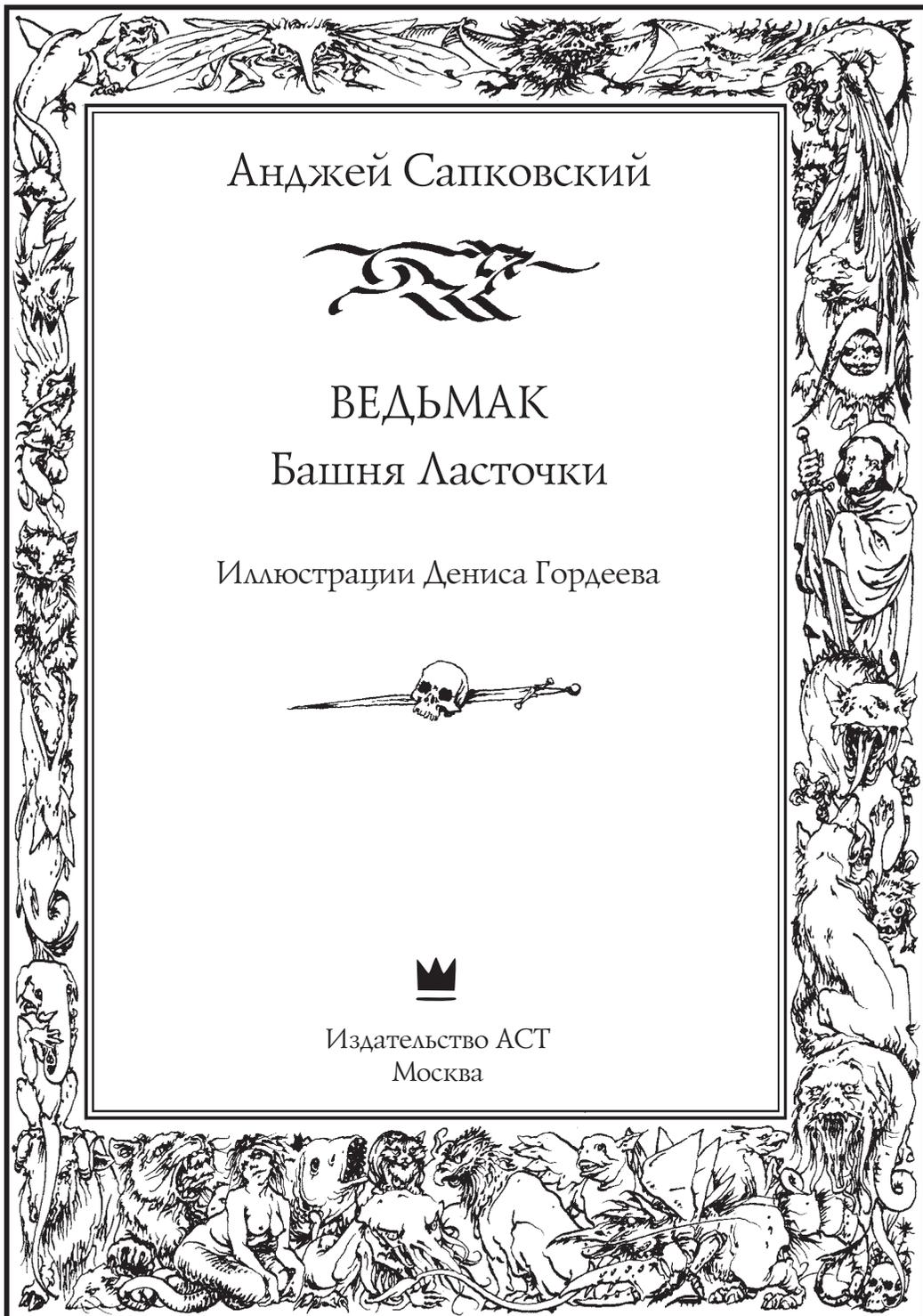

ВЕДЬМАК
Башня Ласточки

Иллюстрации Дениса Гордеева

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84 (4Пол)-44
С19

Andrzej Sapkowski
Wieża Jaskółki

Печатается с разрешения автора и литературного агентства
NOWA Publishers при содействии
Агентства Александра Корженевского

Сапковский, Анджей.

С19   Ведьмак. Башня Ласточки / Анджей Сапковский; пер. с польск.
Е. П. Вайсброта. — Москва: Издательство АСТ, 2017. — 448 с.: илл. — (Сапковский
с иллюстрациями).

ISBN 978-5-17-102651-6

Что-то кончается. Надвигается Tedd Deireadh, Час Конца... Это чувствуется в воздухе и в воде, в шелесте трав и в гуле ветров, в крови закатов и в ослепительных сполохах северного сияния на зубчатых остриях вершины величественной черной башни. Места, в которое ведет нелегкий путь пепельноволосую девочку на вороной кобылице — по залитому кровью друзей постоялому двору... по залитому кровью бойцов песку арены... по залитому кровью врагов льду озера Тарн Мира. Ведь дело не в том, что ты терпишь страдания. Дело в том, как ты их терпишь. И во имя чего. Лишь постигший эту истину сможет войти в Tor Zigeael. Башню Ласточки.

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84 (4Пол)-44

ISBN 978-5-17-102651-6

Copyright © Andrzej Sapkowski, 1997
© Е. П. Вайсброт, наследники, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Ночью, как траур черной,
К Дун Дару они подкралась,
Где юна ведьмачка скрывалась.
Ночью, как траур черной,
Село они окружили,
Чтоб ведьмачка сбежать не сумела.
Ночью, как траур черной,
Врасплох млоду ведьмачку
Хотели взять — прогадали.
Не вошло еще солнце ясно,
А уж на дороге мерзлой
Тридцать убитых лежало...*

Песня нищих о жуткой резне,
случившейся в Дун Даре
в ночь Саовины

---

* Перевод Н. Эристави.

— Могу дать тебе все, что пожелаешь, — сказала волшебница. — Богатство, власть, скипетр и славу, жизнь долгую и счастливую. Выбирай.

— Не нужны мне ни богатство, ни слава, ни власть и ни скипетр, — ответствовала ведьмачка. — А хочу я, чтоб был у меня конь черный, как ночной вихрь быстрый. Хочу, чтоб был у меня меч блестящий и острый как луч луны. Хочу ночью черной носиться на коне моем черном по земле, хочу разить силы Зла и Тьмы моим блестящим мечом. Вот чего я желаю.

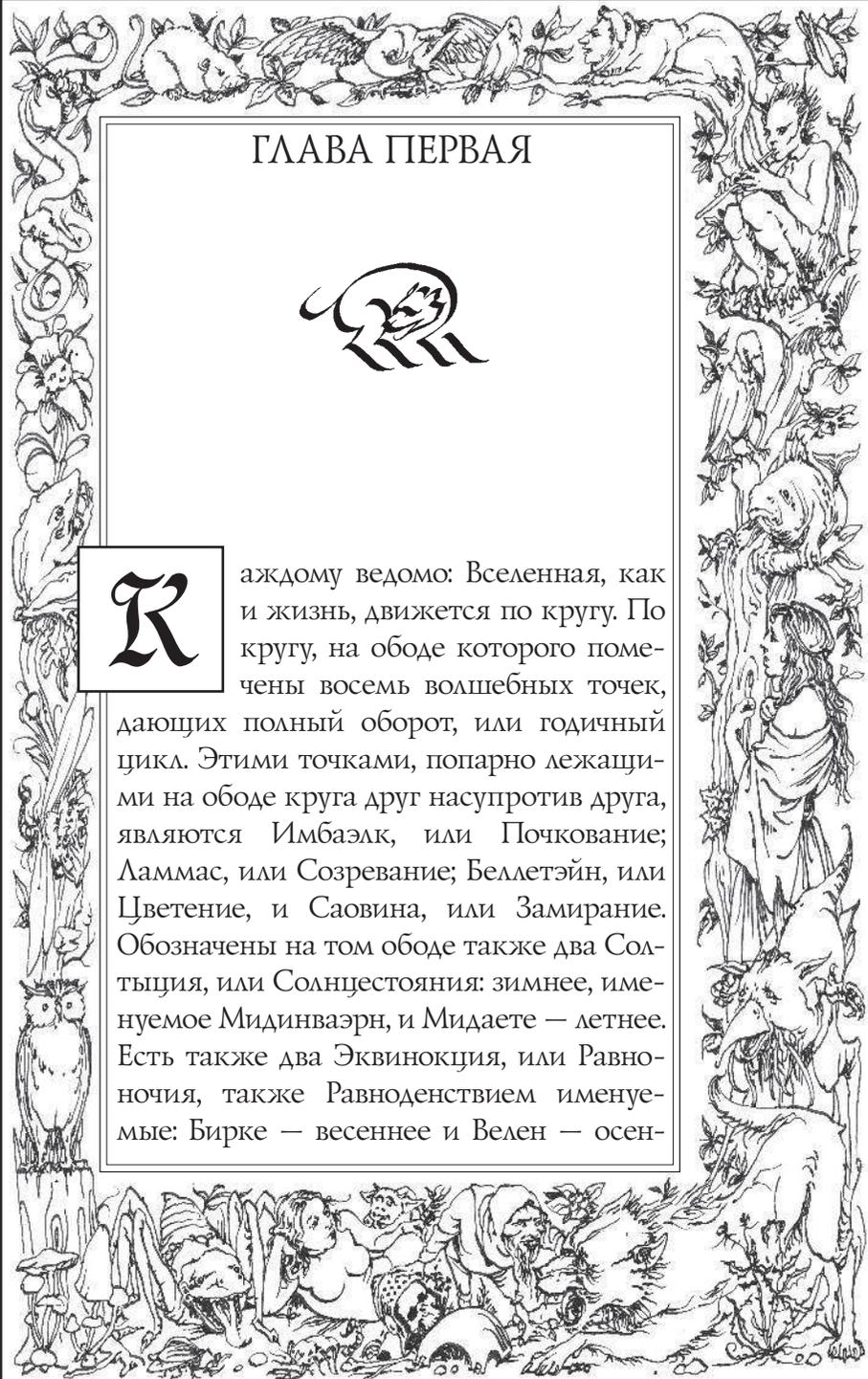
— Дам тебе коня, коий будет чернее ночи и быстрее вихря ночного, — обещала волшебница. — Дам тебе меч, что острее и ярче лунного луча будет. Но ты потребуешь многого, ведьмачка, значит, и заплатить придется немало.

— Чем? Ведь у меня же ничего нет.

— Кровью твоею.

Флоуренс Деланной
Сказки и предания

ГЛАВА ПЕРВАЯ

R

аждому ведомо: Вселенная, как и жизнь, движется по кругу. По кругу, на ободке которого помечены восемь волшебных точек, дающих полный оборот, или годичный цикл. Этими точками, попарно лежащими на ободке круга друг насупротив друга, являются Имбаэлк, или Почкование; Ламмас, или Созревание; Беллетэйн, или Цветение, и Саовина, или Замирание. Обозначены на том ободке также два Солтыция, или Солнцестояния: зимнее, именуемое Мидинваэрн, и Мидаете — летнее. Есть также два Эквинокция, или Равноночия, также Равноденствием именуемые: Бирке — весеннее и Велен — осен-

нее. Даты эти делят обруч на восемь частей — именно так в календаре эльфов делится год.

Высадившиеся на пляжах в устьях Яруги и Понтара люди привезли с собой собственный календарь, в основе которого лежит движение Луны. Календарь этот делит год на двенадцать лун, или месяцев, определяющих цикл годичной работы кмета, начиная с изготовления в январе кольев и до самого конца, до того часа, когда мороз скует землю, превратив ее в твердь. Но хоть люди и по-иному делили год и отсчитывали даты, тем не менее они не отринули эльфий круг и восемь точек на его ободке. Позаимствованные из эльфьего календаря Имбаэлк и Ламмас, Саовина и Беллетэйн, оба Солнцестояния и оба Равноночия стали и у людей важными праздниками, торжественными датами, кои выделялись меж других дат так же явно, как одиноко стоящее дерево выделяется посреди луга.

Ибо даты эти — магические.

Ни для кого не секрет, что во время этих восьми дней и ночей прямо-таки невероятно усиливается волшебная аура. Никого не удивишь магическими феноменами и загадочными явлениями, сопровождающими эти восемь дат, а в особенности же Эквинокции и Солтыции. К таким феноменам все уже настолько привыкли, что они редко кого волнуют.

Однако в тот год все было иначе.

В тот год люди, как обычно, отметили осенний Эквинокций торжественным семейным ужином, на котором полагалось выставить как можно больше различных плодов, собранных в уходящем году, пусть даже и понемногу каждого. Так велел обычай. Откушав и поблагодарив богиню Мелитэле за урожай, люди отправились отдыхать. И тут-то и начался кошмар.

К самой полуночи разразилась страшнейшая метель, подул убийственный ветер, в котором сквозь шум пригибаемых чуть не до земли деревьев, скрип стрех и хлопанье ставней слышался жуткий вой, крики и скулёж. Мчащиеся по небу тучи принимали самые фантастические формы, среди которых чаще всего повторялись мчащиеся в карьер кони и единороги. Почти целый час не утихал ураган, а в наступившей после него неожиданной тишине ночь ожила трелями и хлопаньем крыльев сотен козодоев, этих таинственных птиц, которые, если верить молве, собираются в стаи,

чтобы распевать над умирающими отходную песнь. На сей раз хор козодоев был так могуч и громок, словно вот-вот предстояло погнубить всему миру.

Козодои дикими голосами орали свой реквием, небосклон затянули тучи, погасившие остатки лунного света. Тогда занудила страшная беанн'ши, вестница чьей-то скорой и дурной смерти, а по черному небу пронесся Дикий Гон — табун огненнооких, развевающих лохмотьями плащей и штандартов призраков на конских скелетах. Как и всегда, Дикий Гон собрал свой урожай, но уже много десятилетий он не был так ужасен, как в этом году: в одном только Новиграде насчитали двадцать с лишним человек, пропавших бесследно.

Когда Гон промчался и тучи развеялись, люди увидели луну — на ущербе, как всегда во время Эквинокция. В ту ночь у луны был цвет крови.

У простого народа для феномена Равноночия было множество объяснений, кстати, существенно различающихся в зависимости от специфики региональной демонологии. У астрологов, друидов и чародеев тоже были свои объяснения, но в большинстве случаев ошибочные и как бы придуманные «про запас». Мало, невероятно мало было людей, которые умели бы это явление связать с реальными фактами.

На Островах Скеллиге, например, некоторые суеверные люди видели в удивительных явлениях предвестие *Tedd Deireadh*, конца света, предвараемого битвой *Rag nar Roog*, последней битвой Света и Тьмы. Бурный шторм, который в ночь осеннего Эквинокция потряс остров, верящие в приметы островитяне сочли волной, создаваемой носом чудовищного, с бортами, выложенными ногтями трупов, драккара «Нагльфар» из Морхёгга, везущего армию призраков и демонов. Однако люди более просвещенные либо лучше информированные связывали безумство небес и моря с ужасной смертью злой чародейки Йеннифэр. Третьи — совсем уж хорошо осведомленные — видели в бурлящем море знамение того, что в этот момент умирает кто-то, в чьих жилах течет кровь королей Скеллиге и Цинтры.

Над миром раскинулась ночь осеннего Эквинокция, ночь ужасов, кошмаров и привидений, ночь бурных, удушающих и жутких пробуждений на вздыбленных и влажных от пота простынях. Видения и пробуждения не обошли стороной и самые светлые головы: в Нильфгаарде, Городе Золотых Башен, с криком проснулся импера-

тор Эмгыр вар Эмрейс. На севере, в Лан Эксетере, вскочил с ложа король Эстерад Тиссен, потревожив свою супругу, королеву Зулейку. В Третогоре сорвался с постели и схватился за кинжал архишпион Дийкстра, разбудив при этом супругу министра финансов. В огромном замке Монтекальво спорхнула с дамастовых простыней чародейка Филиппа Эйльхарт, не став, однако, будить супруги графа да Ноалье. Проснулись — более или менее резко — краснотел Ярпен Зигрин в Махакаме, старый ведьмак Весемир в горной крепости Каэр Морхен, банковский клерк Фабио Сахс в городе Горс Велен, ярл Крах ан Крайт на борту драккара «Рингхорн». Проснулась чародейка Фрингиля Виго в замке Боклер, проснулась жрица Сигдрифа в храме богини Фрейи на острове Хиндарсфьялл. В осажденной крепости Марибор проснулся Даниель Эчеверри, граф Гаррамон. Зывик, десятник Бурой Хоругви, в форте Бен Глеан. Купец Доминик Бомбаст Хувенагель в городке Клармон. И многие, многие другие.

Однако мало было таких, кто сумел бы все эти явления и феномены связать с истинным, конкретным фактом. И с конкретной личностью. Так уж получилось, что трое из них провели ночь осеннего Эквинокция под одной крышей. В храме богини Мелитэле в Элландере.

— Козодой... — простонал писарь Ярре, вперившись во тьму, затянувшую храмовый парк. — Никак не меньше тысячи, целые тучи... Кричат о смерти... О ее смерти... Она умирает...

— Не болтай глупостей! — Трисс Меригольд резко отвернулась, занесла кулак: несколько мгновений казалось, что она вот-вот толкнет или ударит паренька в грудь. — Ты что, веришь в идиотские приметы? Конец сентября, козодои перед отлетом собираются в стаи. Вполне естественно!

— Она умирает...

— Никто не умирает! — крикнула чародейка, бледнея от бешенства. — Никто, понятно? Перестань нести дурь!

Библиотечный коридор заполняли адептки, разбуженные ночной тревогой. Лица их были серьезны и бледны.

— Ярре, — Трисс успокоилась, положила пареньку руку на плечо, сильно сжала, — ты — единственный мужчина в храме. Все мы смотрим на тебя, ищем в тебе опоры и помощи. Ты не смеешь впа-

дать в панику, ты не смеешь бояться. Возьми себя в руки. Не разочаровывай нас.

Ярре глубоко вздохнул, пытаясь унять дрожь в руках.

— Это не страх, — прошептал он, отводя взгляд от глаз чародейки. — Я не боюсь, я тревожусь! За нее. Я видел сон...

— Я тоже, — сжала губы Трисс. — Мы видели один и тот же сон. Ты, я и Нэннеке. Но об этом — молчок.

— Кровь у нее на лице... Столько крови...

— Я же просила — молчи. Идет Нэннеке.

Подошла верховная жрица. Лицо у нее было утомленное. На немой вопрос Трисс она ответила, отрицательно покачав головой. Заметив, что Ярре собирается что-то сказать, она опередила его:

— К сожалению, ничего. Когда Дикий Гон мчался над храмом, проснулись почти все, но ни у одной не было видений. Даже таких туманных, как наши. Иди спать, мальчик, тебе тут делать нечего. Девочки, по спальням!

Она обеими руками протерла лицо и глаза.

— Э-э-х! Эквинокций. Чертова ночь... Иди приляг, Трисс... Не в наших силах что-либо сделать.

— Беспомощность, — стиснула кулаки чародейка, — доводит меня до сумасшествия. При мысли, что она где-то там страдает, истекает кровью, что она в опасности... Дьявольщина! Знать бы, что делать.

Уже собравшаяся уходить верховная жрица храма Мелитэле повернулась:

— А молиться не пробовала?

На юге, в Эббинге, за горами Амелл, в районе под названием Переплют, на обширных трясиных, иссеченных реками Вельда, Лета и Арета, в восьмистах милях полета ворона по прямой от города Элландер и храма Мелитэле, приснившийся под утро кошмар разбудил старого отшельника Высоготу. Проснувшись, Высогота никак не мог вспомнить содержания сна, но необъяснимое волнение не дало ему больше уснуть.

— Холодно, холодно, холодно, бррр, — шептал про себя Высогота, пробираясь по тропинке среди камышей. — Холодно, холодно, бррр.

Очередная ловушка тоже была пуста. Ни одной ондатры. На редкость неудачный лов. Бормоча проклятия и шмыгая замерзшим носом, Высогота очистил ловушки от грязи и травы.

— Ох и холодно же, — бормотал он, направляясь к краю топи. — А ведь четыре дня только прошло с Эквинокция. Сентябрь. Да, таких холодов в конце сентября я за всю свою жизнь не припомню. А ведь живу уже достаточно долго!

Следующая, предпоследняя ловушка тоже была пуста. Высоготу даже ругаться расхотелось...

— Не иначе, — бормотал он, направляясь к последней ловушке, — с каждым годом все больше холодает. А теперь, похоже, эффект похолодания пойдет лавиной. Ну, эльфы предвидели это уже давным-давно, да кто верит в предсказания эльфов?

Над головой старика снова захлопали крылышки, пронеслись серые, невероятно быстрые тени. Туман над трясинной опять раззвонился дикими, урывчатыми трелями козодоев, заполнился быстрым хлопанием крыльев. Высогота не обращал внимания на птиц. Суеверным он не был, а козодоев на болотах всегда было множество, особенно на заре, когда они летали так плотно, что, казалось, вполне могли задеть за голову. Впрочем, не всегда их было так-то уж много, как сегодня, может, и не всегда они носились так неистово... ну что же, последнее время природа проделывала диковинные штучки, а диковинки гонялись за диковинками, да при этом каждая следующая диковинка была диковиннее предыдущей!

Он уже вытаскивал из воды последнюю — тоже пустую — ловушку, когда услышал ржание. Козодои как по команде разом умолкли.

На трясинах Переплюта были островки, сухие, выступающие из воды места, поросшие черной березой, ольхой, свидиной, кизилом и терновником. Большинство пригорков трясина обступала так плотно, что туда самостоятельно ни в коем разе не мог бы добраться конь либо не знающий тропинок наездник. И все же ржание — Высогота снова услышал его — шло именно со стороны такого островка.

Любопытство взяло верх над осторожностью.

Высогота слабо разбирался в лошадях и их породах, но он был эстетом, умевшим распознать и оценить красоту. А вороной конь

с блестящей словно антрацит шерстью, которого он увидел на фоне березовых стволиков, был дивно красив. Он был прямо-таки квинтэссенцией красоты. Он был так дивно красив, что казался нереальным.

И тем не менее был вполне реальным. И вполне реально попал в ловушку, запутавшись вожжами и уздечкой в кроваво-черные ветки свидины. Когда Высогота подошел ближе, конь прижал уши, ударил ногой так, что почва задрожала, дернул красивой головой, повернулся. Теперь стало видно, что это кобыла. И кое-что еще. Нечто такое, от чего сердце старого Высоготы забилось, словно ошалевшее, а невидимые клещи стиснули горло.

За лошадью в неглубокой яме от вывороченного дерева лежал труп.

Высогота сбросил на землю мешок. И устыдился первой мысли: развернуться и бежать. Он подошел ближе, сохраняя осторожность, потому что вороная кобыла переступала на месте, прижимала уши, скалила зубы в мундштуке и, казалось, только и ждала случая укусить его или лягнуть.

Труп был трупом паренька чуть старше десяти-двенадцати лет. Он лежал ничком, одна рука прижата телом, другая впиалась в землю пальцами и откинута в сторону. На парнишке была замшевая курточка, плотно облегающие кожаные штаны и эльфы мягкие сапожки на застежках.

Высогота наклонился, и тут труп громко застонал. Вороная кобыла протяжно заржала, хватанула копытами по земле.

Отшельник опустил на колени, осторожно повернул раненого. Невольно отдернул голову и свистнул. Чудовищная маска из грязи и запекшейся крови заменяла пареньку лицо. Он осторожно собрал мох, листья и песок с покрытого слизью и слюной рта, попытался оторвать от щеки сбившиеся в твердый колтун, слепленные кровью волосы. Раненый застонал, напрягся, и его стала бить дрожь. Высогота наконец отлепил ему волосы от лица.

— Девочка, — сказал он громко, не в силах поверить в увиденное. — Это девочка.

Если б в ту ночь кто-нибудь сумел тихо и незаметно подобраться к затерянной среди трясин хате с провалившейся и об-

росшей мхом стрехой, если б он заглянул сквозь щели в ставнях, то увидел бы в слабо освещенном сальными свечами помещении молоденькую девочку с плотно обмотанной тряпицами головой, лежащую в мертвой, почти трупной неподвижности на застланных шкурками нарах. Увидел бы он и старца с седой бородой клинышком и солидной, начинающейся от высокого, изборожденно-морщинами лба лысиной, обрамленной длинными белыми волосами, падающими на плечи. Он заметил бы, как старец зажигает еще одну свечу, как ставит на стол песочные часы, как точит перо, как наклоняется над листом пергамента. Как задумывается и бормочет что-то себе под нос, не спуская глаз с лежащей на нарах девочки.

Но такое было невозможно. Никто этого увидеть не мог. Домашко отшельника Высоготы был ловко упрятан на вечно покрытом мглой безлюдье, среди трясин, на которые никто не решился бы забрести.

— Запишем, — Высогота обмакнул перо в чернила, — нижеследующее: «Прошло три часа после процедуры. Диагноз: *vulnus incisivum*, рубленая рана, нанесенная с большой силой неизвестным острым предметом предположительно с искривленным острием. Рана охватывает левую часть лица, начинается ниже глазной впадины, пересекает щеку и доходит до приушно-челюстного участка. Наиболее глубокая, почти касающаяся надкостницы часть раны оказалась несколько ниже глазной впадины, на скуловой кости. Предполагаемое время, прошедшее с момента ранения до первой перевязки, — десять часов».

Перо заскрипело по пергаменту, но скрип этот продолжался лишь несколько секунд. И несколько строчек. Не все, что Высогота говорил себе, он считал нужным заносить на пергамент.

— Возвращаясь к перевязке раны, — продолжал спустя немного старик, уставившись на мигающий и коптящий огонек свечи, — запишем нижеследующее: «Я не срезал рваные края раны, а ограничился лишь тем, что убрал несколько не получающих крови локутков и, разумеется, запекшуюся кровь. Промыл рану вытяжкой из коры вербы, удалил загрязнения и посторонние тела. Наложил швы. Конопляные. Другим родом нитей, сие следует отметить осо-

бо, я не располагал. Использовал компресс из горной арники и наложил муслиновую повязку».

На середину избы выбежала мышь. Высогота кинул ей кусочек хлеба. Девочка на нарах вела себя беспокойно, стонала сквозь сон.

— Восьмой час после операции. Состояние больной без изменений. Состояние лекаря — стало быть, мое — улучшилось, поскольку я малость вздремнул... Можно продолжать записи. Ибо следует перенести на сии листы некоторые сведения о моей пациентке. Для потомков. Ежели какие-либо потомки доберутся до здешних трясин прежде, чем все тут пожухнет и превратится в пыль.

Высогота тяжело вздохнул, обмакнул перо и вытер его о краешек чернильницы.

— Что же касается пациентки, — забормотал он, — то да будет записано нижеследующее. Лет ей, похоже, около шестнадцати, высокая, строения на вид худощавого, но отнюдь не тощего, не вызванного долговременным голоданием. Упитанность и физическое строение типичны скорее для юной эльфки, однако никаких признаков того, что она метиска до квартеронки включительно, не отмечено... Как известно, низкий процент эльфьей крови может следов не оставить.

Высогота как бы только теперь вспомнил, что не нанес на листок ни одной руны, ни единого слова... Он поднес перо к пергаменту, но чернила уже высохли. Старика это нисколько не огорчило.

— Так и запишем, — продолжал он, — что девушка никогда не рожала, а также что на теле ее не обнаружены никакие застарелые знаки, шрамы, рубцы, следы, которые оставляют тяжелый труд, несчастные случаи, бурная жизнь. Подчеркиваю: речь идет о застарелых следах. Свежие следы на ее теле наличествуют в достатке. Девочку избивали. Хлестали, причем не отцовской рукой. Ногами, вероятно, пинали тоже.

Я обнаружил на ее теле весьма странный, я бы сказал, своеобразный знак... Хм... Запишем и это для блага науки... В паху, почти у самого срама, вытатуирована пунцовая роза.

Высогота сосредоточенно осмотрел очиненный кончик пера, затем погрузил его в чернильницу. Однако на этот раз не забыл, с ка-